

Концептуальность выражения «поэзия – ворованный воздух» в романе Л. Е. Улицкой «Зелёный шатер»

Аннотация. В статье расшифровывается поэтико-философский смысл выражения «ворованный воздух», который является концептуальным центром романа «Зеленый шатер» Людмилы Улицкой, анализируются взаимосвязанные интертексты «русская метафизика», «власть русского слова», которые определяют мотивную и лейтмотивную структуру произведения.

Ключевые слова: интертекст, культурные отсылки, концепты, символы, литературные реминисценции.

Раздел: (05) филология; искусствоведение; культурология.

В центре романа Людмилы Улицкой «Зеленый шатер» [1] обнаруживаются взаимосвязанные концептуальные блоки: «русская метафизика», «Россия – судьба», «неизбывная власть русской культуры», «власть русского слова», «поэзия – ворованный воздух», способствующие формированию основной идеи произведения: русская интеллигенция живет исключительно в лоне русской культуры, питаясь живыми соками русского языка. Л. Улицкая показывает, что «язык есть не столько инструмент, обслуживающий мысль, сколько мысль есть способ, которым актуализируются изначальные смыслы, содержащиеся в языке» [2].

Особенно четко эту важнейшую суть выражает один из драматических пропонентов «Зеленого шатра» – Миха Меламид, отказываясь покинуть Россию, несмотря на то что это был для него единственный путь спасения жизни. Герой резюмирует: «Я там умру <...>. У поэзии есть язык, и этот язык русский! Я поэт... Я без России не могу! <...> Россия, русский язык, русская метафизика... Россия, Лета, Лорелея...» [3]. Здесь в одну цепочку выстроены поэтическая страсть персонажа; роковая таинственная над ним власть родного языка и литературы, от которой нельзя освободиться; любовь, как судьба, смерть, ведущая в вечность. Варьированная интертекстема стихотворения Александра Блока маркирует поэтико-философскую доминанту романа Л. Е. Улицкой: «русская поэзия, являясь «воздухом существования личности», превратилась в советское время в «ворованный воздух», который дает подобие полноценной духовной жизни, но, как правило, заканчивается физической гибелью человека.

Действительно, для главных героев романа «книга из учителя жизни превратилась в ее заменитель» [4]. В «Зеленом шатре» все персонажи буквально «живут» русской литературой. Главные герои романа называют себя «ЛЮРСы». Члены общества «Любителей русской словесности» остро чувствуют, что «поэт в России больше, чем поэт», что «не было другого такого времени в России, ни до, ни после, когда стихи, заполняя воздушное пространство, сами становились воздухом. Возможно, как сказал поэт, «ворованным» [5].

Каждый из «ЛЮРСов» имеет свое пристрастие в лоне русской культуры. Увлечение стихией музыки свойственно Саше (Саше Стеклову); полное погружение в искусство документального фотографирования характерно для Ильи Брянского; а Михе (Михею Меламиду) близко стремление отобразить «словом» свою отзывчивую и трепетную душу, пусть у него, по его словам, выходит примитивное глухонемое мышление», но оно тоже выражает «власть великого русского слова» [6].

Запрещенные произведения В. Набокова, А. Солженицына, Д. Оруэлла, И. Бродского и многих других «потаенных писателей» стали «ворованным воздухом», который герои стремятся глотнуть любой ценой, даже ценой жизни. Русское слово несет для персонажей становление личности через литературные: «судьбоносные встречи, когда пресекаются связи, меняются русла, уровни, жизнь из низины поднимается на высокогорье» [7].

«Русская метафизика», как очевидно из повествования, проявляется в том, что русский язык, несмотря на искажения в XX веке многих первоначальных смыслов слов, продолжает выражать, возможно, на подсознательном уровне, православную этическую составляющую характеров и судеб россиян.

Через исконный смысл слов выявляется основная идея романа – противостояние русской интеллигенции системе власти Словом. И все главные герои так или иначе борются за «свободное парящее слово» и гибнут, сохраняя, распространяя, или «добывая» произведения запрещенной литературы, вскрывающей мутацию словесных смыслов.

Для Ильи Брянского, например, Самиздат стал не только главным открытием Истины, но и образом жизни, любовью, трагической судьбой. Он уверен: «Высшее предназначение поэта, как оказалось, – не Нобелевская премия, а эти шелестящие, переписанные на машинке и ручным способом листочки, с ошибками, опечатками, еле различимым шрифтом: Цветаева, Ахматова, Мандельштам, Пастернак, Солженицын, Бродский, наконец» [8].

Для Саши Стеклова – это путь понимания мира и себя в нем, поиска своего предназначения. Для Михи Меламида поэзия – это Голгофа, его самосознание и самоопределение, его жертвенная любовь до смерти. Получается, что концепт «ворованный воздух» вмещает в себя определение смысла бытия главных персонажей романа и утверждает итоговую мысль, обобщающую развитие русской литературы от А. М. Радищева до О. Мандельштама и И. Бродского, заключающуюся в том, что жертвенность – суть жизни.

Ученые П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев, С. Н. Булгаков, утверждая синергичность языка, писали, что в «Слове» происходит встреча двух энергий: энергии индивидуального духа и энергии народного, общечеловеческого разума: «Язык есть не столько инструмент, обслуживающий мысль, сколько мысль есть способ, которым актуализируются изначальные смыслы, содержащиеся в языке» [9].

К этому же выводу приходят герои романа, ими выявляются изначальные и искаженные или забытые смыслы слов, которые иронически обыгрываются в произведении. Например, наказание – это объяснение неправильности поступка, наказ не отступать от правды, а не расстрел или пытки. Правители, начальники – это благоверные князья, ведущие свой народ праведным путем, всегда стоящие «в начале» войска, подставляющие первыми грудь для удара, а не «деспоты и поработители» [10].

Особенно важно для восстановления концептуального смысла романа уяснение исконного смысла слова «воздух» (состав слова: въз – (префикс) и дух [11]. Воздух – это «сущность, истинный смысл, содержание чего-либо», а также «разум, нравственная основа души человека» [12].

А. Н. Радищев не случайно употребил это слово по отношению к обездоленному крепостному народу. Написанная в конце XVIII века книга «Путешествие из Петербурга в Москву» стала «частью национальной культуры. <...> Радищевский стыд унаследовала великая русская литература. Это – стыд и совесть Пушкина, Лермонтова, невольников чести. <...> Это необходимость покаяния наших дней», – справедливо подчеркивал Н. Я. Эйдельман [13].

Говоря о жутких притеснениях крепостного народа, А. Н. Радищев писал, что у крестьян помещиками отнято все, а оставлено только то, что отнять невозможно – «воздух» [14]. В главе «Пешки» есть гневное инвективное обращение к помещикам и к властям: «Звери алчные, пиявцы ненасытные! Что крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем, – воздух. Один воздух!» [15].

В радищевском тексте «воздух – это атмосфера, то, что вдыхают и выдыхают живые существа» [16]. Выражение из «Четвертой прозы» Осипа Мандельштама «ворованный воздух» является варьированным интертекстом, перекодированной цитатой аллюзийного плана из «Путешествия из Петербурга в Москву».

У Мандельштама смысл слова «воздух» прочитывается как «возношение над бренным бытием» и указывает на необходимость возврата к вечным духовным смыслам исконно русского языка, которые были закрыты для советского народа в той, запрещенной, литературе, которой, как «ворованным воздухом», дышат герои «Зеленого шатра».

Воздух – это то, без чего жить нельзя ни секунды, а «ворованный воздух» – это намек на тоталитарное ущемление свободы выбора личности и свободы слова и творчества. О. Мандельштам подчеркивал: «Все произведения мировой литературы я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первые – это мразь, вторые – ворованный воздух» [17] Очевидно, что для поэта исходной интертекстемой является запрещенная, ходившая в списках книга А. Н. Радищева.

Вводя выражение О. Мандельштама в свой роман, Людмила Улицкая сопрягает оба интертекста: писателя XVIII века и поэта XX столетия, что позволяет прочертить духовную вертикаль от исторических времен к современности, увидеть сходство и различие, определяя степень гнета тоталитарных систем в русской истории. В художественную задачу Л. Улицкой явно входит доказательство того, что период сталинизма не уступает крепостной эпохе, воссозданной Радищевым, а даже превосходит более изощренными формами лишения человека свободы.

Знаменитая строчка из стихотворения Осипа Мандельштама продолжает сегодня интерпретироваться в постмодернистском духе. Например, в сборнике стихов Валерия Прокошина «Ворованный воздух» поэт придает этому выражению совершенно иной смысл, буквальный, исподвольный, объясняя состояние человека, знающего, что он умрет: «после онкологического центра, каждый глоток воздуха похож на воровство» [18].

«Ворованный воздух поэзии», по сути, означает, что невозможно отнять воздух у той части русской интеллигенции, которая не мыслит жизни вне русской культуры и признает только одну власть – «власть русского слова».

Расширяется концептуальный смысл анализируемого выражения «ворованный воздух» по отношению к литературе России, неотъемлемой частью которой всегда был Евангельский контекст, символикой названий в произведении Л. Улицкой. Так, дополнительные концептуальные смыслы заложены в тройное название юного братства ЛЮРСов, их троичного союза.

Первое название – «Троица» несет выражение тайны согласия и гармонии Божественной ипостаси, отображает неразделимое духовное единство трех друзей, характеризует дружбу мальчиков как союз личностей, обладающих обостренным

чувством чести и достоинства, любви к «Божественному глаголу», пробуждающему совесть и вызывающему к решительным действиям. «Дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их», говоря словами из Послания Святого Апостола Павла к римлянам [19].

Второе наименование «Трио», взятое из музыкальной терминологии, обладает семантической нагрузкой, подчеркивающей подсознательное стремление к духовному развитию посредством музыкальной составляющей поэтического слова, ощущению совершенства мира через гармонию русской речи, которые одинаково ведут к высшим смыслам. Ведь музыка является единственным видом искусства, прямо воздействующим на глубины духа.

Третье определение ЛЮРСов – «Трианон» оживляет реминисценцию социального плана, воспоминание о политической изоционности и лукавстве творцов французской революции 1848 года, но прочерчивает параллели с постреволюционным русским обществом, построенном на идеологической лжи и насилии, которому противостоят ЛЮРСы, которые видят, до какого предела была доведена система слежки за инакомыслящими, не смирившимися с отсутствием «воздуха, свободы духа». Герои готовы в смертельной схватке с режимом, добывая очередную гениальную, но запрещенную «книгу» русского писателя или поэта.

Невольно напрашивается сопоставление с романом Татьяны Толстой «Кысь», тоже посвященным роли русской культуры и русского слова в жизни народа, в сохранении его национальной идентичности [20]. И у Татьяны Толстой, и у Л. Улицкой книга всегда является объектом смертельной борьбы за полноценную, свободную духовно жизнь.

В главе «Беглец» романа «Зеленый шатер» показано, как художник скрывается от Системы в глухой деревушке, находя вдохновение и красоту, не только в книгах, но и «во внешнем безобразии жизни». Но и там, на краю света, где отсутствуют признаки цивилизации (как в постлевзрывном мире Татьяны Толстой), его настигает всеведущее око КГБ и обрывает творческий процесс, уничтожая так трудно добытый им скудный «ворованный воздух» искусства.

В главе «Кофейное пятно» демонстрируется, что «бездушие, удушье, безвоздушность» пространства резко ощущали даже те, кто по должности должен был пресекать крамольное хождение запрещенной властями литературы в советском обществе. Генерал Троицкий тайно собирал у себя дома «книжки посаженных писателей» [21]. Принесенное в университет «Приглашение на казнь» Набокова стоило ему крушения карьеры, а затем отняло жизни у многих интеллигентов. Но зато юные филологи восприняли набоковское произведение как полный пересмотр всей иерархии ценностей: «Новое небесное тело вошло в Галактику: половина литературы самовозгорается и превращается в пепел «на фоне набоковского чистого алмаза» [22].

Страх не является препятствием к поиску новых литературных алмазов.

Не только любители русской литературы, но и гениальные писатели, по словам учителя Виктора Юльевича, получили такую мощную «инициацию страхом», что страх иногда становится сильнее красоты и истины: «Страх все погубит – все зародыши красоты, ростки прекрасного, мудрого, вечного...» [23].

В творчестве поэтов Мандельштама и Пастернака, по мнению Учителя, виден «ужас времени», произведения отражают «ползучей чумой пораженное время» [24], которое является объектом пристального отображения в романе Л. Улицкой.

Не случайно основная идея романа закодирована в литературном эпиграфе, представляющем собой отрывок письма «запрещенного» Б. Пастернака к «запрещенному» В. Шаламову от 9 июля 1952 года. В цитате утверждается недостаточ-

ность пассивной позиции по отношению к тоталитаризму, содержится призыв к искоренению его трагических последствий: «Не утешайтесь неправотою времени, его бесчеловечности недостаточно, чтобы, не соглашаясь с ним, тем уже быть человеком» [25]. Главные герои «Зеленого шатра» выстраивают жизнь именно по этой схеме, активно участвуя в противостоянии Системе.

«Неправоту времени» сильнее всего обнажает русская литература, в которую как в историческое бытие погружаются члены духовного братства, противостоящего примитивизму Мурыгиных-Митюгиных. Поэтому отдельный пласт романа Л. Улицкой составляет современная глубокая характеристика значимых произведений русской литературы XX века, которые даются на фоне таких эпохальных событий, как гибель тысяч людей и на похоронах Сталина, и в период хрущевской оттепели, и во время ужесточения борьбы с инакомыслием в 1970-е годы.

Роман Улицкой подтверждает, что «Замышление поэтического творения от прежде проторенных путей, какие нельзя придумать наново – это предначертанные проторенные тропы самого языка» [26], поэтому так обширен литературный интертекстуальный фон этого произведения.

Таким образом, в романе Улицкой «Зеленый шатер» посредством концептуализации интертекстуального символа «поэзия – ворованный воздух» на фоне изображения трагизма жизни нации, утверждается в качестве основной такая ментальная черта русской интеллигенции, как бесконечная вера в преобразующую и воскрешающую силу Слова.

Ссылки на источники

1. Улицкая Л. Е. Зеленый шатер: роман. – М.: Эксмо, 2011. – 592 с.
2. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 272 с.
3. Улицкая Л. Е. Зеленый шатер: роман. – М.: Эксмо, 2011. – 592 с.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 272 с.
10. Славянорусский корнеслов. Сост. Л. С. Яковлев. – СПб., 2005. – 416 с.
11. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – 8-е изд. – М.: Рус.яз. – Медиа, 2007. – 1184 с.
12. Там же.
13. Эйдельман Н. Я. Путешествие с Радищевым. // Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. – М.: Книга, 1990. – С. 8.
14. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. – М.: «Художественная литература», 1984. – С. 144.
15. Там же.
16. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2т. – 8-е изд. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2007. – С. 161.
17. Мандельштам О. Э. Четвертая проза. // Анталоги́я Вымысел. – Р-на-Д: Феникс, 2011. – С. 22.
18. Прокошин В. Ворованный воздух. – М.: Арт Хаус Медиа. – 2012. – С. 29.
19. Послания Святого Апостола Павла к римлянам: гл. 2. 12 // Новый завет: [Электронный ресурс]. URL: http://days.pravoslavie.ru/bible/B_rim2.htm
20. Толстая Т. Н. Кысь: роман. – М.: Эксмо, 2003. – С. 320.
21. Улицкая Л. Е. Зеленый шатер: роман. – М.: Эксмо, 2011. – 592 с.
22. Там же.
23. Там же.

24. Там же.

25. Там же.

26. Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. – М.: Искусство, 1991, – С. 115.

Irina Popova,

*doctor of Philology, Professor, head of Russian language Department
FSBEI HPE «Tambov State Technical University», Tambov*

llv82@mail.ru

Tamara Gubanova,

*candidate of Philology, associate professor at the chair of Russian philology
FSBEI HPE «Tambov State Technical University», Tambov*

**Concept of the expression «poetry – stolen air» in the novel «Green
marquee» by L. Ulitskaya**

Abstract. The article decodes the poetic-philosophical sense of the expression «poetry-stolen air» which is the main concept of the novel «Green marquee» by L. Ulitskaya, and analyses mutually connected intertext units «Russian metaphysics», «power of the Russian word», that determine the motive and leitmotif structure of the literary work.

Key words: intertext, culture references, concepts, symbols, literary reminiscences.

Рекомендовано к публикации:

Некрасовой Г.Н., доктором педагогических наук, профессором, членом редакционной коллегии журнала «Концепт»

ISSN 2304-120X

2 5

9 772304 120142